

М.М. Дандамаева

ЛЕГЕНДА О ТРЕХ АССИРИЙСКИХ ВЛАДЫКАХ

(*Ранняя греческая традиция о Нине, Семирамиде и Сарданапале*)

Истоки современной ассириологии, как и ориенталистики вообще, лежат в сочинениях древнегреческих авторов, потому что именно они впервые посмотрели на историю Месопотамии не взглядом летописца, а с позиций стороннего исследователя, пытающегося описать прошлое незнакомого народа и дать свою интерпретацию причин и движущих сил событий. При этом сами сведения, которые греки сообщают об Ассирии и Вавилонии, скудны, путаны, а нередко и просто неверны. Далекая Месопотамия была гораздо менее доступна для греков, чем Египет. Малая Азия или Финикия, куда греческие мореходы с незапамятных времен плавали на кораблях, привозя назад не только заморские товары, но и заморские сказки и легенды, многие из которых со временем органически вплелись в ткань греческой мифологии, где египетские, малоазийские и финикийские сюжеты прослеживаются гораздо чаще, чем ассирийские или вавилонские мотивы. На фоне редких упоминаний античных авторов о Месопотамии тем более рельефно выступают три персонажа ассирийской истории, по всей видимости, хорошо знакомые древним: Нин, Семирамида и Сарданапал. До нас дошли подробные биографии этих царей, отдельные эпизоды их жизни и просто многочисленные упоминания о них в трудах греческих, латинских и византийских авторов. Собственно, античная и византийская версии ассирийской истории – это и есть легенда о Нине, Семирамиде и Сарданапале, все остальное – по большей части путевые наблюдения и заметки. Легенду о трех ассирийских царях не смогла развенчать даже "Вавилонская история" Бероса (конец IV–III в. до н.э.), который, вероятно, ставил перед собой и эту цель наряду с главной – рассказать грекам о былом величии подвластной им Вавилонии.

В научной литературе начиная с конца прошлого века существуют два подхода к трактовке античной легенды о Нине, Семирамиде и Сарданапале: ее рассматривают как не имеющую никакого отношения к истории Ассирии и Вавилонии выдумку греков¹ или, наоборот, пытаются определить исторические прототипы царей и интерпретировать все приписываемые им деяния в свете данных современной науки². Обе точки зрения, на наш взгляд, оправданы. Греческие легенды об ассирийских царях были так или иначе связаны с событиями истории Востока, однако все три интересующих нас персонажа – прежде всего создания греческой мифологии и литературы, и попытки исследовать эти образы в отрыве от античной традиции приводили иногда к наивному и искусственному привязыванию греческих сказаний к данным клинописных источников. Вопросам становления образов трех ассирийских царей и формированию легенды о них в античной историографии и посвящена эта работа.

¹ Так, например, И.М. Дьяконов называет сочинение Ктесия "ни с чем не сообразной историей Ассирии" (Дьяконов И.М. История Мидии. М. – Л., 1956. С. 26).

² Одним из самых ярких образцов такого подхода может служить работа Кенфта: König F. Die Persika des Ktesias von Knidos. Graz, 1972.

Создателем легенды о Нине, Семирамиде и Сарданапале считается Ктесий Книдский (конец V–IV в. до н.э.) – грек, служивший врачом при дворе Артаксеркса II и написавший "Персидскую историю" в двадцати трех книгах, начав ее с истории ассирийцев, которые правили Азией до мидийцев и персов. Сочинение Ктесия дошло до нас лишь в кратком пересказе византийского патриарха Фотия, который, однако, полностью опускает рассказ об ассирийской истории, сообщив лишь, что ей посвящено шесть книг и что в конце сочинения Ктесия помещен список царей от Нина и Семирамиды до Артаксеркса. Несмотря на множество ссылок на Ктесия у античных и византийских авторов, связное и подробное изложение его ассирийской истории мы находим лишь у Диодора Сицилийского (II. 1.4 – II. 28.8). Этот длинный, цветистый, по-видимому, далеко не во всех своих частях восходящий к Ктесию рассказ кратко выглядит следующим образом.

Основателем Ассирийской державы был воинственный царь Нин, покоривший сначала вавилонян и армян, а затем и все прочие народы Азии, кроме индов и бактрийцев, потратив на это семнадцать лет. Затем Нин построил большой город и назвал его в честь себя самого Нином. Расцвета могущества Ассирийское царство достигло при жене Нина – Семирамиде, рождению, воспитанию и подвигам которой посвящена значительная часть повествования Ктесия–Диодора. Семирамида была дочерью богини Деркетто, которая родила девочку от какого-то смертного и, устыдившись земной любви, бросила ее на произвол судьбы. Судьба оказалась благосклонной к новорожденной – ее выкормили голубки, а потом нашли люди, выследив, куда птицы уносят крошки еды. Девочка попала в дом бездетного управляющего царским имуществом Симмы и, повзрослев, затмила сверстниц умом и красотой. В доме Симмы она получила свое имя, означающее "по-сирийски" (т.е. по-видимому, по-ассирийски) "голубка". Став женой царского гипарха Онна, или Менона³, Семирамида поднялась еще на несколько ступенек лестницы, ведущей к трону. Муж во всем следовал ее мудрым советам и потому был удачлив в делах. Тем временем Нин решил предпринять еще один поход – на бактрийцев, в котором пришлось участвовать и Онну. Соскучившийся по жене за время долгой осады Бактр, Онн вызвал Семирамиду к себе, и она преодолела дальнюю и трудную дорогу, продемонстрировав смелость и изобретательность, а прибыв в Бактрию, хитростью взяла казавшийся до тех пор неприступным город. Нин, покоренный достоинствами прекрасной воительницы, страстно влюбился в нее и взяв в жены, оставив тем самым покинутому Онну один путь – к самоубийству. У Семирамиды было трое детей: двое от Онна, а третий, Ниния, – от Нина.

Когда Нин умер, Семирамида похоронила его у реки, соорудив над его могилой огромную насыпь, которая виднелась издалека, как акрополь. Стремясь превзойти всех правивших до нее царей, Семирамида основала и отстроила Вавилон, сделав его новой столицей Ассирии⁴. Затем царица с огромным войском прошла Мидию, Персию и остальную Азию, всюду разбивая парадисы, строя дворцы и дороги в горах, сооружая оросительные системы. Один из первых парадисов был разбит у неприступной горы Багистан, на которой Семирамида смогла высечь свое изображение и сделать памятную надпись "сирийскими буквами".

После смерти Нина Семирамида не желала больше заключать законного брака, опасалась лишиться власти, и вступала в связь с самыми красивыми юношами из своего войска. Насытившись любовью, эта предшественница царицы Тамары убивала своих возлюбленных.

³ Имя в рукописях пишется двояко: $\mu\epsilon\nu$ "Οννης ή Μενόνης или Μεννόννης.

⁴ Античные авторы считали Вавилон столицей Ассирии, поскольку не видели разницы между Ассирией и Вавилонией. Так, Геродот говорит, что Вавилон был самым большим городом Ассирии (I. 178, 184). Не стоит, впрочем, судить античных авторов слишком строго: ведь различие между Ассирией и Вавилонией было в значительной мере политическим, а не языковым или культурным, и во времена Геродота, не говоря уже о писателях последующих эпох, не имело большого значения, так как обе области давно потеряли свою политическую самостоятельность.

Семирамида продолжила завоевания своего мужа, покорив Египет, большую часть Ливии и Эфиопию⁵, и, наконец, решилась на войну с единственным неподвластным ей народом – индийцами, закончившуюся поражением ассирийцев.

Вскоре после индийского похода сын Семирамиды и Нина, Ниния, стал строить козни против матери, и она, вспомнив полученное во время посещения оракула Амона предсказание о том, что ее царствование закончится, когда Ниния начнет злоумышлять против нее, приказала гипархам слушаться сына во всем, а затем исчезла, превратившись, как рассказывают, в голубку.

После смерти Семирамиды на трон вступил ее бездеятельный сын, открывший череду незначительных правителей, недостойных даже краткого упоминания историка. Наконец, тридцатым после Нина и последним царем Ассирийской державы, ставшим свидетелем и виновником ее гибели, был изнеженный и женоподобный Сарданапал. Никто из предшественников не мог сравниться с ним в роскоши и праздном образе жизни. Белокожий, накрашенный, одетый в женское платье и подражающий женскому голосу, он проводил целые дни в покоях, прядя мягчайшую шерсть и предаваясь пьянству и любовным утехам и с женщинами, и с мужчинами. Таким увидел своего повелителя Арбак, военачальник мидийцев, отряд которых в числе войск других народов Ассирийской державы регулярно присылался в столицу. Предводитель отряда вавилонян "халдей" Белесий убедил Арбака в том, что звезды предсказывают ему власть над всей державой Сарданапала, и мидиец, желая посмотреть на царя, нарушил с помощью взятки строжайший запрет – видеть Сарданапала и занятия, которым он предавался. Проникнувшись презрением к царю и возмущенный тем, что до сих пор служил такому ничтожеству, Арбак в союзе с Белесием и арабами выступил против Сарданапала и после трех неудачных сражений неожиданно напал на ассирийцев, беззаботно пьянствовавших в лагере, разбил их и подступил к городу. Увидев, что два сражения у стен Нина кончились поражением ассирийцев, Сарданапал отослал детей к верному ему правителю Пафлагонии и стал готовиться к осаде. Мощные стены Нина внушали ему надежду на спасение, так как ни каменетных снарядов, ни таранов тогда еще не было. Согласно древнему пророчеству, враг мог взять Нин, только если река станет враждебной городу. И вот на третий год осады из-за постоянных дождей вода в Евфрате поднялась и затопила часть города, снеся кусок стены. Царь, увидев, что пророчество сбывается, приказал сложить во дворце огромный костер и сжег себя вместе с золотом, серебром и другим имуществом. Так власть над Азией перешла от ассирийцев к мидийцам.

Диодор часто указывает, что следует в своем рассказе сочинению Ктесия (II.5.4; 7.1, 3, 4; 8.5; 17.1; 20.3; 21.8; 32.5), иногда приводя и противоречащие ему свидетельства других авторов. Однако повествование сицилийского историка, особенно в части, посвященной Семирамиде, явно написано человеком эпохи эллинизма, знакомым с рассказами о походах Александра Македонского. Хорошо заметно это в описании построенного Семирамидой Вавилона – Диодор использует здесь сочинения Клитарха и историков Александра (II.7.3), а в рассказе о висячих садах – источник, восходящий к Беросу (II.10.1). Несомненно, к историкам похода Александра или даже к более позднему времени следует отнести фразу о том, что лишь небольшая часть Вавилона осталась обитаемой, в основном же земля внутри городских стен используется как пахотная (II.9.9). Об Александре Македонском заставляет вспомнить визит завоевавшей Египет и Ливию Семирамиды в храм Амона, где она узнала о своем будущем (II.14.3)⁶. Наконец, в живописном рассказе Ктесия–Диодора о войне Семирамиды с индийским царем Ставробатом некоторые детали тоже, возможно,

⁵ В другом месте своего труда (III. 3.1) Диодор говорит, что Семирамида прошла лишь небольшую часть Эфиопии и отказалась от дальнейшего похода на эту страну.

⁶ Ср.: *Jacoby C. Ktesias und Diodor // RhM. 1875. Bd 30. S. 604.* Крумбольд, напротив, считал, что этот фрагмент восходит к Ктесию, так как храм Амона в Фивах посещал, по словам Геродота (III.25), еще Камбиз (*Krumholz P. Diodors assyrische Geschichte // RhM. 1886. Bd 41. S. 329*). Однако персидский завоеватель не только не собирался узнавать у оракула свою судьбу, но даже приказал ежечь прорицалище "Зевса".

были заимствованы из описаний индийского похода Александра: строительство разборных судов (Diod. II.16.6; ср.: Agg. V.12.4; Curt. VIII. 10.2–3)⁷, сооружение моста через реку (Diod. II.18.6; ср. описание похода Александра: Diod. XVII.86.3, также Agg. V.7.1. sq.). В одних и тех же выражениях описаны у Диодора действия боевых слонов в истории Семирамиды (II.19.6) и в описании похода Александра (XVII.88.1).

С событиями эпохи эллинизма перекликается и еще один яркий момент индийской войны Семирамиды. Царица, зная об использовании в войске Ставрбата слонов, решила обмануть врага и приказала соорудить из бычьих шкур чучела слонов, внутри каждого из которых находился верблюд и погонявший его человек (Diod. II.16.8–9). Как замечает сам Диодор, так же поступил и македонский царь Персей, готовясь к сражению с римлянами, у которых были слоны из Ливии, но ни ему, ни Семирамиде эта хитрость не принесла удачи (II.17.3). Вероятно, вся история изготовления и использования чучел была включена в рассказ уже в эпоху эллинизма⁸. С другой стороны, эта история занимала важное композиционное место в рассказе Ктесия–Диодора, включала множество живописных подробностей и была вполне в духе Ктесия, рассказавшего, по свидетельству некоторых поздних авторов⁹, о том, как Кир с помощью хитрости захватил Сарды.

Иллюстрацией того, что Диодор далеко не всегда в подробностях следует тексту Ктесия, может служить сравнение рассказа о гибели Семирамиды у Диодора с посвященным тому же сюжету фрагментом Николая Дамасского¹⁰. Текст дошедшей до нас лишь в отрывках "Истории" этого автора считается самым близким Ктесию из-за большого числа ионизмов и некоторых особенностей стиля¹¹. После индийской войны, рассказывает Николай Дамасский, один из внуков стал уговаривать сыновей Семирамиды от Она сбросить распутную мать и брата Нинию со скалы, потому что иначе Ниния, став царем, убьет их. Этот разговор подслушал какой-то мидиец и сообщил о нем Семирамиде, которая обрушилась на сыновей с гневной речью. Как справедливо заметил Маркварт¹², такая трактовка заговора против Семирамиды кажется более убедительной и близкой сочинению Ктесия, чем версия Диодора о кознях Нинии, поведение которого никак не мотивировано. Ктесий долго жил при царском дворе, живо интересовался событиями, происходившими в царской семье, и наверняка был сведущ в интригах престолонаследия, когда решение вопроса о том, кто именно из детей царя (в данном случае царицы) станет наследником престола, могло угрожать жизни кого-либо из претендентов.

Еще более показательным сравнением текста Диодора с фрагментом Николая Дамасского, повествующим об истории мидийца Арбака, которому "халдей" Белесий предрек царствование над Ассирийской державой (Fr. 2–3). Если Диодор просто сообщает, что халдей во время гадания по звездам узнал судьбу Арбака (II.24.1), то у Николая Дамасского мы находим поэтический рассказ о том, как Белесий после разговора с Арбаком заснул возле яслей, где два коня разбросали мякину, и во сне увидел, что один из коней осыпает мякиной Арбака, который спал тут же. На вопрос своего собрата, зачем он это делает, конь ответил, что завидует мидийцу, который скоро получит царство Сарданапала. Далее следует полностью отсутствующий у Диодора разговор, состоящий из вопросов Белесия, который подводит Арбака к известию о предстоящем ему блестящем будущем, и ответов Арбака, еще не понимающего, о чем идет речь. То, что подобные диалоги были характерны для Ктесия, мы знаем благодаря приписываемому Деметрию Фалерскому трактату (*De eloc.* 216), где в качестве иллюстрации особенностей стиля кидского историка приводится очень

⁷ Ср.: *Jacoby*. *Op. cit.* S. 600.

⁸ Так думал Маркварт: *Marquart J. Die Assyriaka des Ktesias // Philologus. 1891–1893. Supplbd. S. 151.*

⁹ *Theon. Progymn. XI: Tzetzes Chil. I.1.82 // Ctesiae Cnidii Operum Reliquiae. Coll. J. Baehr. Francofurti ad Moenum. 1824. S. 222, № 3, 223, № 4.*

¹⁰ *FGrH. 1926. T. 2. A. № 90. Fr. 1.*

¹¹ *Marquart. Op. cit. S. 513.*

¹² *Ibid. S. 543 f.*

похожий по построению диалог между еще ни о чем не подозревающей Парисатидой и вестником, пришедшим сообщить ей о смерти Кира Младшего. Небрежная манера Диодора не имела, как мы видим, ничего общего с красочным, полным эффектных приемов стилем Ктесия.

Диодор, таким образом, излагая легенду о трех ассирийских царях, следовал Ктесию, но в значительной степени изменял его сочинение или пользовался им через посредника, какого-то эллинистического автора, текст которого он, по выражению Маркварта, списывал с "баснословным тупоумием"¹³.

Какими же источниками пользовался Ктесий, излагая легенду о Нине, Семирамиде и Сарданапале, и следует ли искать их в греческой традиции, если сам историк утверждал, что изучал написанные на кожах древние тексты из царских архивов (Diod. II.32.4), а некоторые современные исследователи уверены в том, что живший в Персии Ктесий владел древнеперсидским языком и излагал в своем труде сказания персов и других иранских народов¹⁴. Хотя трех ассирийских царей и принято считать порождением фантазии Ктесия, все они встречаются уже у Геродота, но без всякой связи друг с другом и в совершенно ином, чем у Ктесия, контексте. Рассказывая о происхождении Агрона, первого царя Сард из династии Гераклидов, Геродот сообщает, что тот был сыном Нина, внуком Бела, правнуком Алкея (I.7). Нин и Бел упомянуты без всяких комментариев, в том числе и о божественности Бела. Гераклиды, замечает далее Геродот, вели свой род от Геракла и какой-то рабыни. Таким образом, Нин и Бел оказываются потомками Геракла и предками одной из династий царей Лидии. В другом месте своего труда (II.150) галикарнасский историк совсем иначе освещает родственные связи Нина. Этот персонаж теперь назван отцом "ассирийского царя Сарданапала", чьи хранившиеся в подземелье несметные сокровища задумали при помощи подземного хода похитить хитроумные грабители. Совершенно неясным остается, в какой связи находились лидийский царь Агрон, он же потомок Бела и Геракла, и ассирийский царь Сарданапал. Были ли они братьями (и в таком случае Сарданапал тоже оказывается потомком Геракла) или речь в приведенных текстах идет просто о тезках, о двух разных персонажах по имени Нин? По всей видимости, Геродот вообще не задумывается над этими вопросами, а просто приводит в разных местах своего труда два мифа различного происхождения, не заботясь об их соответствии друг другу. Такое нередко случается и с самим Геродотом, и с другими античными авторами.

Сарданапал упоминается у Геродота только в указанном выше месте. Что же касается Семирамиды, то автор, обещая подробно рассказать в своей истории Ассирии (сочинении, которое, по всей видимости, никогда не было написано) о "царях, правивших в Вавилоне", называет лишь двух цариц: старшую, Семирамиду (I.184), построившую насыпь, защитившую Вавилон от наводнений, и младшую, мудрую Нитокрис, жившую через пять поколений после предшественницы и оставившую в городе много памятников своего правления (I.185).

При всем несходстве свидетельств Геродота и Ктесия в них есть нечто общее: сам факт упоминания одних и тех же персонажей ассирийской истории и одинаковое написание их "варварских" имен. Последнее обстоятельство, на наш взгляд, со всею определенностью указывает на заимствование Ктесием имен героев ассирийской истории не из устной традиции, а из труда Геродота или из общего для обоих исто-

¹³ Ibid. S. 516. К. Якоби полагал, что таким посредником был Клитарх (Op. cit. S. 615). Сам Маркварт отводил эту роль эллинистическому историку Агатархиду из Александрии, на авторитет которого Диодор часто ссылается в первой книге своего труда, посвященной Египту (Op.cit. S. 504–517). Ф. Якоби, соглашаясь с Крумбольцем (Op. cit.), пытавшимся доказать, что Диодор пользовался непосредственно Ктесием, считал, что неудачная гипотеза Маркварта "должна исчезнуть из науки" (Jacoby F. Ktesias // RE. 1922. Bd. 11. Hlbd 22. S. 2040).

¹⁴ König. Op. cit. S. 35; Nagel W. Ninus und Semiramis in Sage und Geschichte. Iranische Staaten und Reiternomaden vor Darius. В. 1982. S. 16. Впрочем, еще в конце прошлого века Маркварт заметил, что Ктесию в лучшем случае были известны крохи местных легенд, и не может быть и речи о том, что в его распоряжении находились какие-то персидские документы (Marquart. Op. cit. S. 629).

риков источника. Таким источником, видимо, были несохранившиеся труды предшественников Геродота, поэтов и прозаиков VI – первой половины V в. до н.э. Как бы ни скудны были известные сегодня фрагменты этих произведений, они позволяют убедиться в том, что истоки греческой легенды о трех ассирийских царях следует искать в догеродотовой традиции. "Необузданную" Ниневию упоминает элегический поэт VI в. до н.э. Фокилид Милетский, противопоставляя ее маленькому, но благоустроенному городку¹⁵. Примечательно, что это двестише Фокилида уже содержится в зародыше обычные для будущей греческой литературы и историографии представления о величии и "безумствах" Ниневии¹⁶.

Общим для Геродота и Ктесия источником могли быть и логографы, труды которых дошли до нас только в незначительных цитатах более поздних писателей, к тому же, как это было принято во времена Геродота, нередко без указания авторства этих цитат. Однако даже на основании сохранившихся свидетельств ясно, что логографы писали в основном о Египте, странах Малой Азии и Персии, степень же знакомства этих авторов с Ассирией и Вавилонией гораздо менее ясна. Несомненно, рассказ об Ассирии содержался в сочинениях старшего современника Геродота Гелланика Лесбосского. Евсевий, чья "Хроника" включает рассказ об Ассирии, ссылается на риторика и писателя Кефалиона (II в.), сообщавшего в свою очередь, что о господстве ассирийцев над Азией до него уже писали Гелланик, Ктесий и Геродот¹⁷. Стефан Византийский приводит рассказ Гелланика из истории "халдеев", грамматик Донат (IV в.) в своих комментариях к комедиям Теренция сообщал, что, по свидетельству Гелланика, вавилоняне были первым народом, у которого появились внухи¹⁸. В схолиях к Аристофану (Schol. in Aves. 1021) есть прямое указание на то, что Гелланик писал о Сарданапале, вернее, о существовании двух царей с таким именем.

Органическую связь с логографической традицией выдает, как нам кажется, и сама легенда о Нине. Современные исследователи выдвигали различные предположения о возможных прототипах великого царя. Например, с точки зрения Кёнига, – это Саргон II, совершивший, подобно Нину, поход на Урарту ("армян" Ктесия–Диодора)¹⁹. а, как полагает Нагель, лучше всего на роль прообраза Нина подходит скифский царь Мадий, который мог быть сыном ассирийской царевны, например дочери Асархаддона²⁰. Нин действительно имеет общие черты с Саргоном II, как и с другими царями Ассирийской империи: многие из них были воинственными завоевателями, стремившимися расширить границы своей державы и основать новые города, многие совершали походы на непокорных жителей Урарту. Нин – это, если пользоваться современной терминологией, "обобщенный образ" ассирийского владыки, фигура, в какой-то степени сравнимая с Миносом, воплощавшем в себе морское могущество Крита. Поэтому прав, с нашей точки зрения, Баумгартнер, считавший Нина этниологической фигурой, основателем городов, в деяниях которого была отражена вся история Ассирии²¹. Эта позиция, однако, вызвала резкую критику Леви, считавшей, что герой-эпоним получил бы свое имя не от Ниневии, а от Ашшура, игравшего до новоассирийского периода ту роль, которая впоследствии перешла к Ниневии²². Такое утверждение могло бы показаться справедливым, если бы Нин был созданием ассиро-вавилонской мифологии, однако здесь речь идет о персонаже

¹⁵ Bergk. 1882. V. 2. Phocylides. Fr. 5.

¹⁶ Что касается Вавилона, то его упоминал уже лирический поэт Алкей в своем стихотворении, посвященном брату Антимениду (Bergk. 1882. V. 3. Alcaeus. Fr. 33). Антименид, по свидетельству Страбона (XIII.2.3), служил наемником в вавилонском войске.

¹⁷ FGrH. 1926. T. 2. A. № 93. Fr. 1. Труд Евсевия дошел до нас только в армянском переводе.

¹⁸ FGrH. 1923. T. 1. № 4. Fr. 59. 178 с.

¹⁹ König. Op. cit. S. 34–37.

²⁰ Nagel. Op. cit. S. 17. 48–49.

²¹ Baumgartner W. Herodots Babylonische und Assyrische Nachrichten // ArOr. 1950. 18. № 1–2. S. 84.

²² Lewy H. Nitokris – Naq'ra // JNES. 1952. V. 11. № 4. P. 266.

греческой историографии. Перед нами – типичный греческий этиологический миф, жанр, часто встречающийся в произведениях логографов и прочно укоренившийся в греческой традиции. Так, согласно этой традиции, лидийцы получили свое название от Лиды, мидийцы – от Меда, персы – от Персея или его сына Перса и т.д. Миф о Нине, как и само имя царя, – чисто греческое создание, характерное для ранней греческой прозы. Как греки эпохи логографов могли знать о той роли, которую играл в ассирийской истории Ашшур, если для них и Ниневия уже была туманной легендой²³?

К логографам, как нам кажется, должно восходить и упомянутое выше свидетельство Геродота о предках лидийского царя Агрона, одним из которых был Нин. Ведь составление генеалогий стало излюбленным жанром той эпохи, ответом на своего рода "социальный заказ", в соответствии с которым требовалось возвести заинтересованный в этом род к божественному предку (часто именно к Гераклу). Нередко в таких родословных фигурировали персонажи, чье происхождение или подвиги были связаны со странами Востока.

Таким образом, свидетельства об ассирийских владыках сохранились, по всей видимости, уже в трудах предшественников Геродота, откуда их мог почерпнуть и сам "отец истории", и критиковавший его Ктесий. При этом, если по-своему связное и стройное изложение Ктесия запутывает вопрос о его источниках, то разнородность и несовместимость свидетельств Геродота немного приоткрывает завесу над методами работы галикарнасского историка. Так, если приведенная им родословная Агрона, потомка Нина, – это, как уже говорилось, типичная для предшествующей эпохи генеалогия, то рассказ о хитроумных похитителях сокровищ Сарданапала очень похож на восточную сказку, знакомую нам по более поздним ее образцам.

Имя Семирамиды в догеродотовой традиции не засвидетельствовано²⁴, однако образ этой царицы, несомненно, тоже восходит к логографам. По свидетельству позднего анонима, автора труда "О женщинах, прославившихся в войне", Гелланик рассказывает об Атоссе, которую ее отец Ариасп воспитал, как мужчину, и впоследствии передал ей царскую власть. Атосса, стремясь скрыть свой женский облик, первой стала носить анаксириды (шаровары) и тиару, пользоваться услугами евнухов и гадать по книгам. Она покорила много народов, была воинственна и во всем подобна мужчине²⁵. Сквозь черты грозной Атоссы ясно проступает уже знакомый нам облик Семирамиды Ктесия. Царская власть, воинственный нрав, мужской образ жизни, многочисленные завоевания – все говорит об органическом сходстве этих персонажей.

Неясно, откуда Гелланик почерпнул свои сведения об Атоссе. Имя ее отца больше нигде не встречается, лишь у Арриана упомянут народ ариаспов, получивших титул эвергетов за помощь, оказанную Киру во время его похода на скифов (Anab. III. 27.4). По всей видимости, Арриан заимствовал эти сведения об ариаспах из более ранней традиции, повествующей о походах Кира. Кроме того, в "Киропедии" Ксенофонта фигурирует Арасп, близкий друг Кира, замешанный в одном из романтических эпизодов сочинения, но Ксенофонт мог выбрать это имя совершенно произвольно.

Тейгер полагал, что прообраз Атоссы следует искать в зороастрийской тради-

²³ В связи с этим представляет интерес другая версия происхождения ассирийцев, приведенная у Иосифа Флавия (Ant. Jud. I. 143), – от "основателя города Пина" Ашшура, что тоже, по-видимому, является этимологическим мифом, но возникшим в регионе, где ассиро-вавилонская история была известна лучше, чем в Греции.

²⁴ Полагают, что ее мог упоминать в своих сочинениях эпический поэт Паниассис (V в. до н.э.), так как в надписи на двойной гемме, посвященной обоим авторам (IG. 1895. XII. I. № 145), в соответствии с конъектурой Дильса, читается имя "Семирамида" (см., например, Stoessl F. Panyassis // RE. 1949. Bd 18. Hlbd 36. S. 921–922). Однако текст надписи сохранился настолько плохо, что такое чтение – не более чем предположение, на основании которого нельзя делать выводов о становлении греческой традиции об этой царице.

²⁵ FGrH. 1923. T. 1. № 4. Fr. 178a.

ции²⁶. С другой стороны, Гелланик, скорее всего, слышал о дочери Кира, жене Камбиза (сына Кира и ее сводного брата), а затем Бардии-Гауматы и Дария, которая на протяжении длительного периода играла значительную роль в политической жизни Персидской державы, по словам Геродота, была всемогуща (VII.3). Если вспомнить, что у Ктесия Семирамиде приписаны многие завоевания Ахеменидов (не исключено, что они повторяли завоевания Атоссы, о которых писал, по словам Анонима, Гелланик), то можно предположить, что Атосса, дочь Кира, сыграла свою роль в становлении образа Атоссы, дочери Ариаспа.

В приведенном Анонимом фрагменте Гелланика, однако, не сказано, каким именно народом управляла Атосса. Ее собственное имя и имя ее отца – явно иранского происхождения, тиара и анаксириды, которые она носила, тоже напоминают о Мидии или Персии. С другой стороны, в сохраненном для нас Фотием произведении мифографа Конона (I в. до н.э. – I в. н.э.) "Описания" мы встречаем следующий рассказ: "Девятое же описание рассказывает о Семирамиде, и он (Конон. – М.Д.) говорит, что Семирамида была не женой Нина, как сказано у других, но матерью. И одним словом, все, что другие пишут про ассирийскую царицу Атоссу, он переносит на Семирамиду. Я не могу сказать, называет ли он ее двумя именами или не знает ничего другого про Семирамиду"²⁷. По всей видимости, речь здесь тоже идет об Атоссе Гелланика и прямо указана ее принадлежность к Ассирии. Кроме того, Атосса фигурирует в списке ассирийских царей, одна из версий которого была приведена у мифографа Кастора Родосского (I в. до н.э.) и дошла до нас благодаря труду Евсевия²⁸. Список, вероятно, восходивший к Ктесию, в сочинении которого, по словам Фотия (см. выше), подобный список содержался, открывается Нином и Семирамидой, а оканчивается Сарданапалом и еще одним Нином. Остальные имена списка вымышлены и не имеют аналогий ни в аккадской, ни в иранской ономастике. Можно предположить, что Ктесий, представив собственную версию ассирийской истории, отдал дань предшествующей традиции и включил в свой труд список царей, большая часть которых была заимствована из сочинений логографов²⁹.

Возможно, есть еще и косвенное указание на то, что Гелланик считал Атоссу ассирийской (или вавилонской) царицей. По упомянутому выше свидетельству Анонима, Гелланик писал, что Атосса первой стала пользоваться услугами евнухов. Как замечает Донат в комментариях к Теренцию (см. выше), евнухи, по словам Гелланика, впервые появились у вавилонян³⁰. Единственное указание на то, что Атосса правила персами, а не ассирийцами, содержится у Климента Александрийского

²⁶ По мнению Гейгера, это была покровительница Зороастра Атосса – жена и сестра Виштаспы, отца которого, возможно, звали Агуваспа. Заключение Гейгера известно нам благодаря работе Маркварта (*Marquart. Op. cit. S. 576–577*). Правда, как замечает Маркварт, эта Атосса не обладала ни мужскими привычками, ни воинственным нравом. Следует заметить, что поздняя античная традиция действительно соединяла имена Семирамиды и Зороастра, правда, ассирийская царица или ее муж Нин выступают не как покровители, а как злейшие враги "бактрийского царя" Зороастра (*Just. I.1.9; Kephala. apud Euseb. = FGrH. 1926. T. 2A. N 93. Fr. 1: Oros. I.4.3*). Христианский автор Арнобий прямо говорит, что в первой книге труда Ктесия фигурирует Зороастр (*Adv. nat. I. 52*). К. Якоби полагал, что Арнобию следует верить, так как имя соответствующего бактрийского царя, соперника Нина и Семирамиды, у Диодора – Оксиарт – совпадает с именем другого правителя Бактрии – отца Роксаны, жены Александра Македонского, и могло быть вставлено в текст Ктесия при его переработке в эллинистическое время вместо Зороастра (*Jacoby C. Op. cit. S. 581–583*).

²⁷ FGrH. 1923. T. 1. № 26. Fr. 1.9.

²⁸ FGrH. 1929. T. 2. B. № 250. Fr. 1d.

²⁹ В списке Кастора после Атоссы следует некий Белох, чья дочь Тратрес, называемая Ахурард, правила с ним семнадцать лет. Впоследствии некоторые христианские авторы объединяют этих двух цариц, называя Атоссу дочерью Белоха и сообщая, что она управляла государством вместе с отцом (см. об этом: *Marquart. Op. cit. S. 572*). Атоссу в позднее время отождествляли и с Семирамидой (там же; см. также FGrH. 1929. T. 2. B. S. 1133. № 36), по всей видимости, сходство между двумя персонажами бросалось в глаза не только Конону.

³⁰ Эта традиция, вероятно, сохранилась до времен Аммиана Марцеллина, который, рассказывая о толпах евнухов в Риме, с гневом вспоминает Семирамиду, положившую, по его мнению, начало позорному обычаю (XIV.6.17).

кого: "... женщина, правившая тогда персами, как говорит Гелланик. Имя ей было Атоса"³¹. Но, возможно, этот поздний автор путает Атоссу Гелланика с гораздо более известной дочерью Кира.

Таким образом, Гелланик, по всей видимости, считал Атоссу ассирийской царицей. Вряд ли при этом он ясно осознавал разницу между ассирийцами и мидийцами или персами. Во всяком случае в другом фрагменте Гелланика говорится, что после смерти Кефея, отца Андромеды и царя страны, которая впоследствии стала называться Халдеей, его подданные покинули эту землю и овладели Артеей (так логографы называли Персию), получив название артеев, т.е. предков персов³². Гелланику, вероятно, было хорошо известно лишь то, что ассирийцы и халдеи управляли Азией до мидийцев и персов, остальные сведения об этих народах он путал и, в частности, считая Атоссу ассирийской царицей, он наделял ее персидскими чертами. Ктесий, который не мог совсем не понимать разницы между ассиро-вавилонской и мидийско-персидской культурой, позаимствовал у него тем не менее этот принцип. Теперь становится понятным сильный иранский элемент в облике Семирамиды Ктесия. Ведь в этой ассирийской царице нет ничего ассиро-вавилонского, кроме имени и того обстоятельства, что она основала Вавилон. Вся прочая деятельность царицы связана с Мидией и Персией, там протекает большая часть ее жизни, там она сносит горы, разбивает парадисы, прокладывает дороги, строит дворцы. Завоевания Семирамиды, как уже говорилось, напоминают завоевания ахеменидских царей – ни ассирийцы, ни вавилоняне не заходили так далеко на восток. Она высекает свое изображение и рассказ о своих деяниях на неприступной горе Багистан. в названии которой легко угадывается Бехистунская скала, украшенная надписью, прославляющей победы Дария I, и рельефом, где он попирает своих врагов³³. Даже дети Семирамиды от Онна носят имена иранского типа – Гяпат и Гидасп. Разумеется, сильный иранский налет объясняется обстоятельствами жизни самого Ктесия, однако в целом книжский историк следует, по-видимому, за своим лесбосским собратом, который, называя Атоссу ассирийской царицей, приписывает ей то, что в реальности относится к персидской истории и культуре.

Семирамида, вероятно, позаимствовала у Атоссы еще одну черту. Фотий, критикуя Конона, смешавшего рассказы об обеих царицах, объясняет, какой именно эпизод из биографии Атоссы Конон приписал Семирамиде. Семирамида, сама того не зная, вступила в связь с собственным сыном Нином, а потом, узнав об этом, открыто сделала его своим мужем. Поэтому у мидийцев и персов считается, что иметь сношения с матерью – похвально и законно³⁴. Это сообщение Конона – Фотия объясняет часто встречающееся у поздних авторов утверждение о том, что Семирамида вступила в связь с собственным сыном³⁵. У Ктесия, согласно версии Диодора и изложению Николая Дамасского, этого сюжета нет, однако, как мы знаем, некоторые более поздние писатели путали Атоссу с Семирамидой. Если Семирамида

³¹ FGtH. 1923. T. 1. № 4. Fr. 178b.

³² Ibid. Fr. 59.

³³ Рассказ об изображении на Багистане (*Diod. II. 13. 1–2*), скорее, восходит не к Гелланику, а к самому Ктесию, так как, чтобы узнать о действительно неприступной скале и ее рельефе, нужно было достаточно хорошо ориентироваться в стране. К.Якоби и Маркварт полагали даже, что вставка о скале в Багистане сделана еще позже – историками Александра, например, Каллисфеном (*Jacoby C. Op. cit. S. 595; Marquart. Op. cit. P. 534*). Впрочем, рассказ о тюках выючных животных, по которым карабкались на гору мастера, – вполне в духе Ктесия.

³⁴ Характерно, что античные авторы не видят противоречия в том, что обычаи мидийцев и персов пошли от ассирийки Атоссы (или Семирамиды).

³⁵ *Just. I.2.10; Oros. I.4.7*. См. также: *Malala I. Chronographia / Ex rec. L. Dindorfii. Bonnae, 1831. O 18*. Версия другого христианского автора, Агафия (II.24), похожа на рассказ Конона: Нин, которого Семирамида пыталась соблазнить, был ее сыном, а не мужем. Может быть, вся традиция о сделанной Семирамидой попытке инцеста восходила к Конону или к общему с ним источнику? Развязка же рассказа Агафия (целомудренный Нин вынужден убить распутную мать) выглядит как попытка примирить две версии рассказа о Семирамиде.

Ктесия выросла из Атоссы Гелланика, неудивительно, что авторы переносили на Семирамиду и те черты Атоссы, которые не встречались у Ктесия³⁶.

Сопоставление образа Семирамиды у Ктесия с Атоссой Гелланика имеет кардинальное значение для исследования методов работы придворного врача Артаксеркса. Очевидно, что Ктесий изучал не персидские сказания, а предшествующую ему греческую традицию, работая не как историк, а скорее как писатель, соединяющий черты разных персонажей в единый новый образ. Поэтому не имеют смысла попытки Нагеля увидеть в рассказе об Атоссе—Семирамиде отражение местных сказаний, услышанных Ктесием в Персии³⁷: ведь Атоссу создал не Ктесий, а живший по крайней мере за несколько десятилетий до него Гелланик Лесбосский. Гораздо более интересный вопрос об источниках самого Гелланика остается без ответа из-за крайней скудости сохранившихся фрагментов его сочинений.

Утрата всех сочинений догеродотовой традиции не дает возможности судить о степени их использования Ктесием, однако труд самого Геродота был ему, несомненно, известен и, несмотря на гневно-презрительные высказывания книдского историка в адрес предшественника, послужил одним из источников "Персидской истории".

В "Истории" Геродота упомянуты две ассирийские царицы — Семирамида и Нитокрис, развернувшая в Вавилоне бурную строительную деятельность (1184—1186). Многие сооружения Нитокрис, о которых пишет Геродот, в действительности были постройками эпохи Навуходоносора II (604—562 гг. до н.э.)³⁸. Нитокрис жила незадолго до персидского завоевания Вавилона, которое произошло в царствование ее сына Лабинета (I.188). Это имя (которое также носил и муж Нитокрис) представляет собою искаженное "Набунаид" (Набонид). Так действительно звали царя, при котором Вавилон был завоеван персами (539 г. до н.э.). Поскольку мать Набонида Аддагуппи, как ясно из сделанной от ее имени надписи, была, весьма влиятельной особой³⁹, то еще в прошлом веке высказывались предположения о связи ее и образа матери Лабинета⁴⁰.

Имя вавилонской царицы удивительным образом совпадает с именем фигурирующей у того же Геродота египетской царицы Нитокрис, в чем отдавал себе отчет и сам историк (II.100). Приведенное у Леман-Хаупта объяснение этого неожиданного для вавилонской царицы имени было поддержано затем Баумгартнером и Ейлерсом⁴¹. "Нитокрис", по их мнению, — это искаженное "Навуходоносор" в передаче персов, от которых мог получить свои сведения Геродот. Нельзя не признать, что "отец истории", оставивший нам бесценные путевые записки о Вавилоне, знал историю Ассирии и Вавилонии гораздо хуже истории Египта, Персии или Малой Азии. Незнакомое, трудное для греческого уха имя Набу-кудурри-уцур могло вызвать у него ассоциации с именем Нитокрис, о которой он уже слышал или знал из предшествующей ему традиции. Как бы ни был запутан рассказ Геродота о Нитокрис и Лабинете, в нем, несомненно, отразились сведения об исторических событиях нововавилонской истории, услышанные им скорее всего действительно в Вавилоне.

Имя Семирамиды Геродот, возможно, знал из трудов своих предшественников еще до приезда в Вавилон, однако, как справедливо указал Ф. Якоби, замечание Геродота

³⁶ Впрочем, Тертуллиан прямо говорит, что, по словам Ктесия, персы сходятся с матерями (*Apolog.* 9).

³⁷ *Nagel.* Op. cit. Нагель без оговорок принимает предположение Гейгера о тождественности Атоссы Гелланика Атоссе — покровительнице Зороастра и строит на этом свою работу.

³⁸ *Ravn O.* Herodotus' Description of Babylon. Kjobenhavn, 1942. P. 40—42, 75, 90.

³⁹ *Gadd G.* The Harran Inscriptions of Nabonidus // *Anatolian Studies.* 1958. 8. P. 46—56.

⁴⁰ См., например, *Marquart.* Op. cit. S. 575. Из последних работ, посвященных этому вопросу, см.: *Rölling W.* Nitorkis von Babylon // *Beiträge zur Alten Geschichte und deren Nachleben.* Festschrift für F. Altheim B., 1969. Bd. 1. S. 127—135.

⁴¹ *Lehmann-Haupt F.* Die historische Semiramis und Herodot // *Klio.* 1901. 1. S. 269, 276; *Baumgartner.* Op. cit. S. 96; *Eilers W.* Semiramis. Wien. 1972. S. 41—42. Anm. 68.

о том, что Нитокрис была гораздо мудрее своей предшественницы (I.185), свидетельствует о незнании им легенд о Семирамиде, описанных у Ктесия⁴². Историчность этой царицы не вызывает сомнения с середины прошлого века. Имя героиням Геродота и Ктесия дала, как известно, жившая в IX в. до н.э. ассирийская царица Саммурамат, жена царя Шамши-Адада V (823–811 гг. до н.э.), мать Адад-нерари III (810–783 гг. до н.э.) и невестка одного из видных завоевателей новоассирийской эпохи Салманасара III (858–824 гг. до н.э.). Имя Саммурамат известно благодаря двум найденным еще в середине XIX в. в Нимруде (древнем Кальху) статуям бога Набу⁴³. В посвяtitельной надписи, высеченной на статуях, сообщается, что их воздвиг наместник Кальху ради жизни Адад-нерари, царя Ассирии и царицы (ša ekalli)⁴⁴ Саммурамат. Кроме того, имя Саммурамат встречается в надписи на одной из найденных в Ашшуре стел, каждая из них посвящена какому-либо ассирийскому царю. Саммурамат имеет тот же титул и упомянута вместе со своим мужем, сыном и свекром⁴⁵. Никаких других клинописных свидетельств о Саммурамат нет⁴⁶, однако важен и сам факт существования такой царицы в действительности. Рассказы о женщине, управляющей огромной державой, не могли не произвести должного впечатления на патриархальных греков⁴⁷.

В дошедшей до нас клинописной литературной и исторической традиции имя Саммурамат не встречается, однако память об этой царице сохранилась в армянских легендах. Автор "Истории Армении" Мовсес Хоренаци рассказывает о войне Шамирам (Семирамиды), томимой страстью к Ара Прекрасному, с Арменией, царем которой он был, о строительстве, развернутом Шамирам после победы, и, наконец, о смерти царицы по дороге в Армению, куда она бежала из Ассирии, спасаясь от своего бывшего фаворита мага Зрадашта (греческого Зороастра, ср. прим. 26)⁴⁸.

Мовсес в своем рассказе о Семирамиде опирается на позднеантичную традицию⁴⁹, увязывая при этом события с историей Армении. Впоследствии историк обращается к легендам своей страны, рассказывающим о последних днях Шамирам, страдавшей от усталости и жажды, о том, как она, настигнутая преследователями, бросила в море свое ожерелье и превратилась в камень. По всей видимости, в Армении действительно сложились сказания о Семирамиде, и в них могли отразиться воспоминания о войнах, которые постоянно вели с царями Урарту ассирийцы, в том числе Салманасар III и

⁴² Jacoby F. Ktesias. S. 2053.

⁴³ Lehmann-Haupt F. Die historische Semiramis und ihre Zeit. Tübingen, 1910. S. 2–3.

⁴⁴ mi E. GAL вместо aššat ekalli, как читали во времена Леман-Хаупта (см. ANw, CAD: ekallu).

⁴⁵ Lehmann-Haupt. Die historische Semiramis und ihre Zeit... S. 4–7.

⁴⁶ Леман-Хаупт считал, что Саммурамат была вавилонянкой, депортированной в Ассирию после одного из походов Шамши-Адада на Вавилон и ставшей впоследствии царицей Ассирии (история, достойная пера Ктесия или Динона!). Саммурамат, по мнению Леман-Хаупта, ввела в Ассирию культ бога Набу, весьма популярного в ее родном Вавилоне, и оказывала покровительство храму Набу в пригороде Вавилона Борсиппе. Именно поэтому Геродот и получил сведения о ней в Вавилоне, а вернее, в Борсиппе (Lehmann-Haupt. Die historische Semiramis und ihre Zeit... S. 59–62). Хотя представления о вавилонском происхождении Саммурамат довольно широко распространены, нет никаких реальных аргументов в их пользу (ср. САН. V. 3. Pt. 1. 1982. P. 274 f.).

⁴⁷ Леви считала, что в легендах о Семирамиде отразились дошедшие до греков слухи об еще одной ассирийской царице – жене Синаххериба (704–681 гг. до н.э.), матери Асархаддона (680–669 гг. до н.э.), бабке Ашшурбанапала (668–635 гг. до н.э.) Накки (Lewy. Op. cit. P. 264–286). Некоторые особенности биографии этой царицы действительно могли найти отражение в истории Семирамиды Ктесия: Накки происходила из Сирии, а история убийства ее мужа Синаххериба сыновьями заставляет вспомнить одну из версий конца Семирамиды. Однако вряд ли можно допустить, что Накки послужила прообразом Нитокрис Геродота, как считает Леви. Неясно, почему деятельная Накки-Нитокрис была связана с реальными постройками и реальными событиями истории Вавилона VI в. до н.э.

⁴⁸ Мовсес Хоренаци. История Армении. Пер. Г. Саркисяна. Ереван. 1990. I. 15–19.

⁴⁹ В частности, рассказ Мовсеса о прекрасном городе, построенном Шамирам (I.16), обнаруживает хорошее знакомство историка с описаниями Вавилона у греческих авторов. Тут и плотина, и стена с медными воротами, и широкие прямые улицы с многоэтажными дворцами (ср.: Herod. I. 180). Методы же руководства строительными работами Шамирам, по-видимому, позаимствовала у Семирамиды Ктесия (ср.: Diod. II. 7,2; II. 811).

Шамши-Адад V⁵⁰. Более того, Леман-Хаупт, посетивший территорию древнего Урарту в конце XIX в., утверждал, что сам слышал топонимы, в состав которых входило имя Семирамиды⁵¹.

В истории Ассирии Ктесия–Диодора Нитокрис не упомянута ни словом, однако ее деяния, о которых рассказывает Геродот, приписаны Семирамиде. У Ктесия именно Семирамида построила мост через Евфрат, скрепив его железом и свинцом, соорудила насыпи по обеим сторонам реки (Diod. II.8.2–3, ср.: Herod. I.185), вырыла водоем и облицевала его кирпичом (Diod. II. 9.1). Как заметил Маркварт, Ктесий объединяет Семирамиду и Нитокрис Геродота в один образ⁵². Затем Ктесий превращает Семирамиду в основательницу Вавилона, хотя у Геродота об этом ничего не сказано. Писатель, вероятно, следует здесь своей логике: два величайших царя Ассирии должны основать два ее величайших города, и если Ниневию, в чем давно уже были уверены греки, основал Нин, то на долю Семирамиды оставался Вавилон. Однако Ктесий не удовлетворился этими исправлениями Геродота. Как подчеркивает галикарнасец, насыпи (χωματα), сооруженные Семирамидой для защиты города от наводнений, были достойны удивления (I.184), а те, что воздвигла по обеим сторонам реки Нитокрис, поражали своей высотой и другими размерами (I.185). Ктесий, если верить Синкеллу, нашел более интересное объяснение строительной деятельности царицы: Семирамида под предлогом наводнений соорудила повсюду насыпи, которые на самом деле были могилами погребенных ею заживо любовников⁵³. В версии Диодора говорится о том, что Семирамида воздвигала по всей Азии насыпи над могилами полководцев (II.14.1). Тема насыпи получает у Ктесия и дальнейшее развитие. После смерти Нина Семирамида строит на его могиле огромную насыпь, которую было видно издалека (Diod. II.7. 1–2). Вряд ли археологам когда-либо удастся найти остатки этой насыпи – она скорее всего плод богатой фантазии Ктесия, который, пользуясь свидетельствами Геродота, в то же время опровергал или "улучшал" их в свойственном ему романтическом духе⁵⁴. Как полагал Маркварт, на мысль о насыпи, воздвигнутой Семирамидой над могилой Нина, Ктесия мог привести и рассказ Геродота об огромном кургане (χωμα), насыпанном на могиле лидийского царя Алиатта местными гетерами (I.93)⁵⁵. Представляет интерес и рассказ Ктесия о взятии Семирамидой Бактр (Diod. II.6. 7–8), который заставляет вспомнить рассказ Геродота о хитром марде, помощем Киру взять Сарды (I.84).

Ктесий, как мы видели, соединил в своей Семирамиде Атоссу Гелланика с Семирамидой и Нитокрис Геродота⁵⁶, взяв от первой ее военные завоевания и мужской образ жизни, а от двух последних – строительную деятельность в Вавилоне⁵⁷. "Соперник" Геродота, по всей видимости, обладал большим литературным талантом и ему удалось создать из всех этих персонажей чужих произведений единый образ, затмивший свою яркостью многих других героинь греческой историографии и литературы.

Обратимся теперь к началу рассказа Ктесия о Семирамиде – к рождению будущей

⁵⁰ Следует, впрочем, принять во внимание мнение Маркварта, отрицавшего возможность распространения народных сказаний в Армении до Ктесия. Мовсес, с его точки зрения, с одной стороны опирался на Диодора, а с другой – вводил в свой рассказ народные легенды, в которых Семирамида отождествляется с армянской богиней любви (Marquart. Op. cit. S. 654). Ейлерс же, напротив, считал, что историческая Самурамат могла происходить из Урарту (Eilers. Op. cit. S. 43–46, 68).

⁵¹ Lehmann-Haupt. Die historische Semiramis und Ihre Zeit... S. 37–38.

⁵² Marquart. Op. cit. S. 575–576.

⁵³ Georgius Syncellus et Nicephorus / Ex rex. G. Dindorfii. Bonnae. 1829. V. 1. S. 119.

⁵⁴ Эту традицию продолжает Суда: у него Семирамида становится строительницей пирамид (Sud. S.v. Σεμίραμις). Возможно, византийский автор (или его источник) путает царицу с гетерой Родопис из Навкратиса, которой, по словам Геродота (II.134), приписывали сооружение одной из пирамид.

⁵⁵ Marquart. Op. cit. S. 630.

⁵⁶ Ср.: Jacoby F. Ktesias... S. 2053–2054.

⁵⁷ Поэтому несправедлив, как нам кажется, тезис Ейлерса о том, что Семирамида воспевалась в индийских и персидских сказаниях как великая строительница (Eilers. Op. cit. S. 16). Великой строительницей ее сделал Ктесий, и если подобные легенды действительно существовали, то они должны были восходить не к устным сказаниям, а уже к Ктесию.

царицы и к истории ее матери Деркетто, которую Страбон отождествляет с сирийской богиней Атаргатис (XVI.4.27). Эта легенда тоже представляет собою мозаику, состоящую из разных по происхождению частей. Маркварт обратил внимание на сходство между сюжетом о бросившейся в озеро и превратившейся в полуженщину-полурыбу богине из Аскалона и фрагментом лидийского автора середины V в. до н.э. Ксанфа⁵⁸. Лидиец Мопс бросил жестокою царицу Атергатис (sic!) и ее сына Ихтуса ("рыба" в переводе с греческого) в озеро около Аскалона, где их съели рыбы. Похожие события и имена встречаются у Ктесия, комбинация же их становится принципиально иной, что, как мы уже знаем, весьма характерно для этого писателя, свободно и легко оперирующего сюжетами других авторов. С представлениями о полуженщине-полурыбе Ктесий (или его очередной источник) мог познакомиться на Переднем Востоке, где нередко встречались изображения существ, соединяющих в себе черты рыбы и человека или рыбы и животного⁵⁹. Новый свет на этот образ Ктесия бросает происходящая предположительно из Восточной Сузианы и датированная XVIII–XVII вв. до н.э. бронзовая статуэтка сидящей богини, снабженной, кроме ног, отходящим назад наподобие большого хвоста туловищем рыбы⁶⁰. Быть может, какое-то подобное изображение вдохновило Ктесия на создание фантастического образа Деркетто?

Наконец, в рассказе Ктесия о Семирамиде заметны и следы ассирийского влияния. История рождения и воспитания Семирамиды заставляет вспомнить легенду о Саргоне Аккадском, представляющую собою один из вариантов широко распространенного среди народов древности сюжета о подкидыше божественного или царского происхождения. Великий завоеватель Саргон, как рассказывает легенда, был сыном жрицы, которая родила его втайне и, положив в корзину, пустила плыть по реке. Ребенка вырастил подобранный его водонос, а когда Саргон вырос, его полюбила богиня Иштар и возвела на царский трон. Эта легенда, повествующая о царе, жившем в середине III тыс. до н.э., была составлена только в I тыс. до н.э., возможно, при дворе ассирийского царя Саргона II (721–705 гг. до н.э.)⁶¹ и затем могла попасть к грекам.

Отзвуки ассирийских и вавилонских сказаний слышны во многих местах рассказа о Семирамиде. Речь идет не о конкретных эпизодах ее жизни, но о всем облике этой героини Ктесия, которая, как утверждал еще Леман-Хаупт, имеет много общего с самым ярким женским образом месопотамской мифологии – богиней Иштар⁶². Семирамида, как и Иштар, сочетала в себе черты грозной воительницы и ненасытной любовницы, несущей гибель своим возлюбленным. На сходство этих персонажей указывает и такая деталь, как голубки, играющие значительную роль в повествовании Ктесия и в то же время связанные с культом Иштар. Остается только строить предположения о том, откуда Ктесий почерпнул свои сведения об Иштар, но не исключено, что писатель мог услышать какие-то легенды об этой богине в Вавилоне, где он, по его собственным словам, жил или по крайней мере бывал (Ctes. apud Phot. § 59, 60). Некоторые детали, однако, позволяют допустить возможность того, что тенденция соединять образы Семирамиды и Иштар появилась еще до Ктесия. Геродот, рассказав в ассирийском логосе о строительной деятельности Семирамиды, в другом месте своего труда упоминает ворота Семирамиды (III.155). Топонимика позднего Вавилона сегодня достаточно хорошо известна благодаря не только археологическим раскопкам, но и клинописным описаниям города, где в числе прочих объектов содержатся и названия его ворот. Ворота Семирамиды в этих источниках не упоминаются, но, как полагают многие исследователи, Геродот называет так ворота Иш-

⁵⁸ Marquart. Op. cit. S. 630. Фрагмент Ксанфа известен из Афиней (VIII. 346e), который прочитал эту историю у Мнасея из Патары.

⁵⁹ Unger E. Fischkentaure // REA. 1957. Bd. 3. S. 70–71.

⁶⁰ Seibert I. Woman in Ancient Near East. Lpz. 1974. № 33. Статуэтка хранится в Британском музее. См. также: Green A. Mischwesen // REA. 1994. Bd 8. S. 257.

⁶¹ Foster B.R. Before the Muses. An Anthology of Akkadian Literature. V. 2. Bethesda, P. 819.

⁶² Lehmann-Haupt. Die historische Semiramis und Herodot... S. 279.

тар⁶³. Против такого подхода резко выступил в своей недавней работе Роллингер, утверждая, что для подобного отождествления нет никаких оснований⁶⁴. Сторонники этой точки зрения, замечает автор, руководствовались, наверное, лишь тем, что в обоих случаях названия ворот связаны с женским именем⁶⁵. Роллингер справедлив в своей критике, но не указывает ли он тем самым путь, по которому могла развиваться и мысль Геродота? Возможно, "отец истории" невольно помещал новую информацию в рамки уже существовавших у него представлений и, услышав про ворота с женским именем, он подставил то единственное связанное с Ассирией и Вавилонией женское имя, которое знал? Возможно, одной из причин уверенности Геродота в том, что город отстроили царицы, а не цари, стало то, что многие блестящие памятники эпохи Навуходоносора действительно были связаны с женским образом – богиней Иштар⁶⁶.

В средневековой традиции засвидетельствованы сопоставления Семирамиды с другой богиней, на этот раз – греческой. У Иоанна Малалы находим следующую схему происхождения богов: у Кроноса и его жены Семирамиды, которую ассирийцы называют Реей, было трое детей: Зевс, Нин и Гера. Нин впоследствии женился на своей матери Семирамиде (0 19). Далее следует обычная в таких случаях сентенция о том, что у персов (!) есть обычай жениться на матерях (0 20). Кроме того, в средневековом лексиконе Суды читаем: Семирамиду называют и Реей⁶⁷. Судя по тому, как Малала рассказывает, например, о воцарении Персея в Вавилонии (0 45), его сочинение в некоторых частях восходит к очень ранней традиции, в том числе к Гелланику (ср. прим. № 32). С другой стороны, "Хронография" Малалы носит явные следы поздней редакции, беспорядочно объединившей множество различных мифов и имен. Сообщение о том, что Реей ассирийцы называли Семирамиду, – явная описка или ошибка запуставшегося в своем материале автора, но он где-то почерпнул информацию о сопоставлении этих персонажей. Когда и почему Семирамиду отождествляли с Реей?

В описании храма Бела (т.е. Мардука) в Вавилоне у Ктесия – Диодора (II.9.5-8) говорится не об одной золотой статуе Бела, как у Геродота (I.183), а о трех золотых фигурах: стоящем Зевсе, сидящей Гере со змеей в одной руке и усыпанном драгоценными камнями скипетром – в другой и Рее, покоившейся на золотом троне с двумя львами на коленях. По обеим сторонам от богини находились серебряные змеи. Очевидно, Зевс и Гера – это Мардук и его жена Царпаниту, Рее же, по-видимому, соответствует Иштар. На тождество этих богинь указывает прежде всего лев, тотемическое воплощение Иштар, часто присутствующее на ее изображениях (правда, богиня стоит или едет на льве, а не держит его на коленях), а также то обстоятельство, что в позднем Вавилоне, действительно, почитались Мардук, Царпаниту и Иштар⁶⁸.

Возникает вопрос, откуда заимствовал описание этих статуй Диодор? Определить источник тех или иных свидетельств Диодора в описании Вавилона очень трудно, поскольку, как уже говорилось, он не ограничивался здесь трудом Ктесия, но пользо-

⁶³ *Ravn. Op. cit.*, S. 36; *Wetzel F. Babylon zur Zeit Herodots // ZA.* 1944. Bd 14. S. 47; см. также: *Lehmann-Haupt F. Semiramis // Roscher.* Bd 4. S. 695.

⁶⁴ *Rollinger R. Herodots babylonischer Logos.* Innsbruck, 1993. S. 82, 98.

⁶⁵ *Ibid.*, S. 138. № 489.

⁶⁶ С другой стороны, по словам Геродота, ассирийцы называют Афродиту Милиттой (I.131.199), что, вероятно, представляет собою искаженное *belet* (*status constructus* от *beltu* – "владычица", одно из обращений к Иштар). Это имя любознательный грек мог услышать непосредственно в Вавилоне, а про Семирамиду знать до прибытия туда. О других версиях происхождения имени "Милитта" у Геродота см.: *Wilhelm G. Marginalien zu Herodot // Festschrift für Moran.* 1990. S. 505. № 1. Кроме ворот Семирамиды, Геродот упоминает и ворота Нитокрис, над которыми она соорудила свою гробницу (I.187). Реллиг видит в этой легенде отражение дошедших до историка воспоминаний о пышных похоронах царицы и длительном трауре в память о ней (*Röllig. Op. cit.* S. 132–133).

⁶⁷ *Sud. S.v. Σεμίραμις.* А.

⁶⁸ Известно несколько фрагментов позднеассирийских клинописных табличек, фиксировавших вавилонский ритуальный текст. Эти фрагменты содержат разговор Мардука, его жены Царпаниту и его "подружки" Иштар (*Lambert W. The Problem of the Love Lyrics // Unity and Diversity.* Baltimore; London, 1975. P. 98–135). Статуи, разумеется, не были иллюстрацией к этому мифу, но в сохранившемся у Диодора рассказе, вероятно, отразились представления о значении этой триады богов.

вался информацией более поздних авторов, почти никогда не называя их имен. Естественно предположить, что источником в данном случае мог быть Берос, вернее какой-либо восходящий к нему труд, так как Диодор и в других местах использует свидетельства Бероса, например, объясняя причину строительства висячих садов (II. 10.1). Берос, несомненно, обладал достаточными познаниями в вавилонской мифологии, чтобы выделить упомянутую триаду богов и попытаться назвать их греческими именами, желая сделать свою информацию доступной для понимания греков. Однако подробное описание усыпанных драгоценными камнями статуй больше похоже на сообщение грека, восторгающегося восточной роскошью, чем на добросовестного Бероса. Кроме того, нет прямых свидетельств, что Берос называл вавилонских богов греческими именами. Наконец, автор сюжета, по всей видимости, читал Геродота, так как описания немного похожи: в обоих случаях речь идет о скульптурах, увенчивающих храм Зевса-Бела, и в том и в другом сюжете фигурирует стол, около которого сидят или стоят боги.

Излишне напоминать, что кто бы из писателей не послужил источником этого сюжета Диодора. – Ктесий, кто-либо из историков Александра или Берос, – он не мог в действительности видеть подобные статуи. Даже если предположить, что Геродот был недостаточно информирован, то все равно вряд ли можно допустить, что столь ценные памятники пережили превратности вавилонской истории второй половины I тыс. до н.э. Наконец, трудно представить, что реальный храм Мардука или любой другой вавилонский храм в действительности был увенчан группой богов, изображенных в разных позах. Автор сюжета, следовательно, не видел этих статуй, но отталкивался от письменных и устных источников, по-своему комбинируя их. Многие качества этого автора, как нам кажется, снова указывают на Ктесия: сходство свидетельств с информацией Геродота и в то же время масса новых подробностей, расцвечивающих первоначальный рассказ Геродота до такой степени, что он тонет в них и становится почти неузнаваемым.

Основания для сопоставления Иштар именно с Реей вполне очевидны. Культ богини со львом, судя по ее многочисленным изображениям, проник в Грецию уже в архаическую эпоху⁶⁹. Одной из ипостасей этой богини была фригийская Кибела, которую впоследствии стали отождествлять с греческой Реей. По-видимому, когда греки узнали еще об одной богине со львом – Иштар, она тоже легко подошла под образ Реи. Неясным остается, принадлежит ли такое сопоставление самому Ктесию (впрочем, подобные ученые изыскания были не в его стиле), заимствовано оно им из более ранней традиции или имя Реи вставлено уже в эллинистическое время, может быть, вместо какого-то другого.

В поздней античной традиции под именем Семирамиды иногда выступает Иштар. Иллюстрацией этого может служить встречающееся у Плиния Старшего (NH.VIII.155) замечание Юбы Мавританского (I в. до н.э.) о том, что Семирамида страстно влюбилась в коня и совокупилась с ним. Этот новый порок Семирамиды заставляет вспомнить обличительную речь Гильгамеша в адрес Иштар, где он называет среди прочих ее любовников и коня⁷⁰. В представлениях античных авторов, как мы видим, Семирамида и Иштар окончательно слились воедино.

Таким образом, ясно, почему греки Семирамиду отождествляли именно с Реей: и ту, и другую они связывали с Иштар. Сопоставление Семирамиды с Реей, по всей видимости, относится уже к очень позднему времени. Остается неясным, когда именно Рею стали отождествлять с Иштар: до Ктесия или только в эпоху эллинизма.

Источниками для создания истории Семирамиды Ктесию, как мы видели, послужили произведения греческих авторов (Гелланика, Геродота, по-видимому, Ксанфа и

⁶⁹ Möbius H. Die Göttin mit den Lowen // Festschrift für Eilers. Wiesbaden, 1967. S. 453.

⁷⁰ Эпос о Гильгамеше / Пер. И.М. Дьяконова. М., Л., 1961. VI. 53–57. Ср.: Hommel F. Zu Semiramis-Ištar // Klio. 1921. Bd. 7. S. 286. Возможно, следы отождествления Иштар с Семирамидой отразились и в рассказе Элиана о том, что Семирамида не считала доблестью одолеть льва, но гордилась победой над львицей (Var. Hist. XII. 39).

вероятно, других, полностью утраченных для нас) и в меньшей степени ассирийские и вавилонские легенды, причем некоторые из них (например, легенда о Саргоне), как мы постараемся показать ниже, тоже могли прийти к Ктесию через более раннюю греческую традицию. В науке, однако, давно утвердилась иная точка зрения на происхождение сказания об ассирийской царице: Ктесий, как часто полагают, лишь записал мидийские и персидские легенды о Семирамиде⁷¹. Эти представления восходят к первому серьезному исследователю сказания о Семирамиде – Леман-Хаупту. Он, опровергая взгляды ученых XIX в., многие из которых серьезно относились к сообщениям Ктесия о том, что источниками ему послужили архивы персидских царей (Diod. II.32.4), изложил свою точку зрения на происхождение легенды. Из текста Ктесия–Диодора видно, считал Леман-Хаупт, что сказания о Семирамиде возникли не у самих ассирийцев, а у какого-то другого народа. Этим "другим народом" могли быть мидийцы, которые в IX в. до н.э. впервые столкнулись с ассирийцами, и их удивление перед мощью Ассирийского государства и роскошной жизнью ассирийских царей отразилось в легендах и песнях о Семирамиде, которые через четыре века после их создания записал Ктесий. За время, прошедшее между возникновением этих сказаний и их письменной фиксацией греческим историком, они успели слиться с ассирийскими и вавилонскими мифами об Иштар⁷². Ейлерс, которому принадлежит заслуга тщательного анализа легенды о Семирамиде с точки зрения иранской ономастики и топонимики, просто не принимал во внимание греческую традицию, а rigid считая историю Семирамиды амальгамой не столько ассирийских, сколько армянских, мидийских и персидских сказаний, нашедших впоследствии свое отражение и в более позднем иранском эпосе, в частности в легендах о Фархаде и Ширин⁷³. Кёниг же, напротив, видел в легенде о Семирамиде фиксацию дошедших до Ктесия (вопрос о возможности более ранней традиции здесь тоже не ставится) рассказов о событиях ассирийской истории, главным образом о деяниях Синаххериба, Накии и Асархаддона, пытаюсь интерпретировать в этом русле каждый эпизод повествования, вплоть до того, что индийский поход Семирамиды превращается у этого автора в войну Синаххериба с Эламом⁷⁴. Наконец, Нагель полагает, что Ктесий записал легенды, восходящие к кочевникам-скифам. Из этих сказаний, с точки зрения исследователя, ясно, что Семирамида не имела ничего общего с ассирийской Саммурагат, но была жрицей из Палестины и женой скифского царя Мадия, который фигурирует в легенде под именем Нина. В V в. до н.э. Семирамида, по мнению Нагеля, сливается в один образ с Атоссой, дочерью вождя туров Ариаспа и покровительницей Зороастра. Одновременно Нагель решает и вопрос о времени жизни пророка, датируя его VI в. до н.э., потому что тогда, как он полагает, жила Атосса⁷⁵.

Обсуждать вопрос о скифском происхождении легенды не имеет смысла, так как для подобных выводов нет никаких данных, мидийские же легенды о Семирамиде теоретически могли существовать⁷⁶, ведь существовали же легенды о ней у армян. Как реликт этих сказаний можно рассматривать иранские топонимы, образованные от имени Семирамиды, если, конечно, эти названия действительно существовали в древних временах⁷⁷. Что же касается предположений Ейлерса об отражении легенд о

⁷¹ См., например, *Lenschau. Semiramis* // RE. 1950. Supplbd 7. S. 1210; САИ. 1982. V. 3. Pt. 1. P. 243.

⁷² *Lehmann-Haupt. Semiramis*. S. 690–694.

⁷³ *Eilers. Op. cit.* S. 68–69.

⁷⁴ *König. Op. cit.* S. 37–40.

⁷⁵ *Nagel. Op. cit.* S. 16–17. См. также прим. 37. Даже если допустить, что Атосса Гелланика в действительности была покровительницей Зороастра, то из сохранившихся фрагментов совершенно неясно, когда именно она жила.

⁷⁶ Следует заметить, что Ф. Якоби, не занимавшийся специально исследованием образа Семирамиды, но хорошо знавший греческую традицию, замечал, что вся легенда Ктесия производит впечатление творения писателя, а не настоящего сказания (*Jacoby F. Ktesias*. S. 2054).

⁷⁷ О некоторых таких топонимах см.: *Eilers. Op. cit.* S.65–67, 69. Античные авторы со времен Ксенофонта постоянно приписывали Семирамиде строительство различных объектов и городов в Азии и даже Африке, однако неясно, принадлежали ли по добные представления самим писателям или населению этих городов.

Семирамиде в средневековом иранском эпосе, в частности выводов о родстве между Ширин и Семирамидой, то не следует совершенно исключать возможности влияния греческой традиции на персидскую. Ведь греческая легенда о Семирамиде была, как мы видели, очень хорошо известна армянам, существовала и еврейская версия легенды о Семирамиде⁷⁸, почему же эта увлекательная и весьма популярная история не могла, скажем, в эпоху эллинизма, стать известной персам? Если мидийские легенды о Семирамиде и существовали в действительности, то они не отразились в труде Ктесия, так как можно проследить источники всех основных составляющих его рассказа об ассирийской царице. Анализ этих источников показывает, что создателем повествования о Семирамиде в том виде, как оно изложено у Ктесия, был не полудикий мидиец, потрясенный могуществом и богатством Ассирийской державы, не воинственный скиф, а весьма начитанный грек – сам Ктесий Книдский.

Рассказ Ктесия о Сарданапале, по крайней мере в некоторых своих частях, тоже восходит к более ранней традиции⁷⁹. Один из героев комедии Аристофана "Птицы" восклицает при виде раздетого человека: "Да это какой-то Сарданапал!" (Aves. 1021). Подобная реплика, как справедливо заметил Вейсбах, указывает на то, что уже в 414 г. до н.э., когда пьесу поставили на афинской сцене, имя Сарданапала было нарицательным⁸⁰. образу раздетого щеголя не противоречит и единственное упоминание Геродота об этом царе, где говорится о его сказочных сокровищах (II.150). Характер упоминаний о Сарданапале у обоих авторов не оставляет сомнения в том, что богач и щеголь Сарданапал прочно утвердился в греческой, традиции до Ктесия. Этот персонаж отражает обычные для греков представления о роскошной и праздной жизни восточных владык и перекликается с образами фригийца Мидаса, лидийца Креза или персидскими царями более поздней традиции.

О Сарданапале писал Гелланик Лесбосский, о чем свидетельствуют схолии к уже упомянутому месту Аристофана (Schol. in Aves. 1021). "Гелланик же в "Персидской истории" говорит, – замечает схолиаст, – что Сарданапалов было двое". Вейсбах вслед за Низе полагал, что Гелланику принадлежала и самая ранняя редакция встречающейся у многих античных авторов эпитафии, якобы составленной самим Сарданапалом и начертанной на его могиле⁸¹. Ассирийский царь предлагает есть, пить и наслаждаться любовью, помня о том, что все превратится в прах. Эта эпитафия в разных версиях, иногда очень отличающихся друг от друга по языку и содержанию, но сохранивших основную идею "лови мгновение", проходит через всю античную литературу⁸². Сарданапал выступает в своей надписи скорее как *bon vivant*, радующийся земной жизни и не вызывающий отрицательного отношения к себе, в то время как Сарданапал в описании Ктесия однозначно должен пробуждать у читателя отвращение и презрение. Отныне такой взгляд на Сарданапала станет в античной традиции обычным и в этом же духе будет трактоваться его безобидная эпитаграмма.

Исследователи давно заметили двойственность судьбы и облика Сарданапала: на могиле человека, так страшно окончившего жизнь, высечена жизнелюбивая и игривая эпитафия. Кроме того, в источниках засвидетельствованы и следы другой версии смерти царя: он был заколот Арбаком⁸³. Существовали, как полагал Вейсбах, по меньшей мере две легенды о Сарданапале: по одной из них он вел праздную жизнь и был в конце концов убит Арбаком, по другой – он был мужественным царем, нашедшим гибель в костре. Ктесий мастерски объединил обоих в убедительный с психо-

⁷⁸ О еврейской легенде см.: *Lehmann-Haupt*. Semiramis. S. 698.

⁷⁹ Исчерпывающий анализ античной традиции о Сарданапале и возможных исторических прототипов этого персонажа был сделан Вейсбахом (*Weissbach*. Sardanapal // RE. 1920. Reihe 2. Bd. 1. S. 2436–2475), поэтому нет необходимости подробно рассматривать здесь становление этого образа.

⁸⁰ *Ibid.* S. 2437.

⁸¹ *Ibid.* S. 2444 f.

⁸² Об эпитафии см.: *ibid.* S. 2441–2446.

⁸³ *Just.* I.3.4; *Oros.* II.2.2, а также *Arist.* Polit. 1312a.

логической точки зрения образ⁸⁴. Добавим, что и тут у Ктесия были предшественники. Подобное перевоплощение уже встречалось в греческой историографии: вспомним зазнававшегося богача Креза, который, побывав на костре, превратился в мудрого советника Кира (Herod. I. 86–87).

В связи с легендами о Сарданапале следует обратить внимание и на Нинию, сына Нина и Семирамиды, который подозрительно похож по своим характеристикам на Сарданапала (Diod. II. 20. 2–4). Если вспомнить, что Геродот называет Сарданапала сыном Нина (II.150), а имя "Ниния" выглядит производным от "Нин" и совершенно искусственным, то можно полагать, что хотя бы по одной из легенд о Сарданапале он считался сыном Нина. Ктесий же, который претендовал на составление полной истории Ассирии, не мог ограничиться тремя привычными ассирийскими царями и разделил Нинию и Сарданапала почти тридцатью поколениями царей "недостойных упоминания", оставив при этом Нинии характер Сарданапала.

Комбинируя и расчленивая красочными подробностями старые сюжеты, Ктесий при создании образа Сарданапала вплетает в канву рассказа детали современной ему жизни, в частности имена реальных правителей своей эпохи⁸⁵. Положением Ктесия при дворе, несомненно, объясняется и общий тон рассказа. Стремление подчеркнуть благородство и мужество мидийцев и персов, противопоставить их женоподобным, развратным и вероломным ассирийцам и вавилонянам – очевидный реверанс придворного в адрес своих повелителей.

Драматическое столкновение между Сарданапалом и Арбаком, по-видимому, так понравилось Ктесию, что он повторил его в другом, очень похожем сюжете: в конфликте наместника Вавилона Нанара и перса Парсонда. Женоподобный вавилонянин хитростью захватил мужественного Парсонда и скрывал его, накрашенного и одетого в женское платье, среди своих наложниц (Nic. Dam. Fr. 4). Дрюс видит в этом рассказе Ктесия отражение сказаний, похожих на легенды о Сохрабе, сохранившиеся в "Шахнаме" Фирдоуси⁸⁶. Гораздо больше, однако, эта история напоминает миф о Геракле, которого царица Омфала заставляла носить женское одеяние и выполнять женские работы, или Ахилле, по воле Фегиды скрывавшемся в женском платье среди дочерей царя Ликомеда. Ктесий и здесь остается верен своим источникам.

Несмотря на всю субъективность и произвольность работы Ктесия, в его рассказе о Сарданапале ясно проступают следы реальных событий ассирийской истории. Гибель сказочного деспота заставляет вспомнить анналы реального царя Ассирии Ашшурбанапала, где в числе его прочих подвигов рассказывается о подавлении восстания брата царя, наместника Вавилона Шамашшумукина, который вместе с окрестными городами отложился от владыки Ассирии и после долгой осады был побужден богами броситься в огонь⁸⁷. Аналогии с рассказом Ктесия, как и созвучие имен "Сарданапал" и "Ашшурбанипал", бросаются в глаза⁸⁸. То, что слухи о восстании Шамашшумукина и его гибели на костре были известны далеко за пределами собственно Ассирии, следует из папирусного фрагмента, происходящего, по-

⁸⁴ Weissbach. Op. cit. S. 2454–2455; о существовании двух легенд о Сарданапале см.: Jacoby C. Op. cit. S. 610–611.

⁸⁵ Marquart. Op. cit. S. 626–627.

⁸⁶ Drews R. The Greek Accounts of Eastern History. Washington, 1973. P. 111.

⁸⁷ О прототипах Сарданапала см.: Weissbach. Op. cit. S. 2457–2465.

⁸⁸ Об имени "Сарданапал" см.: Ibid. S. 2457–2461. Ни одно из имен известных сегодня ассирийских царей не совпадает с именем персонажа Ктесия. Вейсбах, считая Ашшурбанапала прототипом Сарданапала, при этом замечает, что греки должны были передать начало имени как 'Асор. Однако исследователь исходит здесь из поздней традиции (Евсевия и восходящих к нему авторов), которая опиралась на Бероса и древнееврейские письменные памятники. Ранние же греческие легенды, по всей видимости, основаны на устных рассказах, где к тому же ассирийские имена могли передаваться через иноязычных посредников. При таких условиях удивительно не то, что имена искажены, а то, что они хоть сколько-то узнаваемы. Недавно соответствие имен "Ашшурбанапал" и "Сарданапал" нашло новое подтверждение. В написанном на арамейском языке папирусном фрагменте содержится версия рассказа о двух братьях, где царь Ниневии носит имя Sarbanabal (Steiner R. C., Nims C. F. Ashurbanipal and Shamash-shum-ukin: A Tale of Two Brothers from the Aramaic Text in Demotic Script // Revue Biblique. 1985. T. 92. № 1. P. 60–81).

видимому, из Египта (см. прим. 88). В рассказе о Сарданапале произошла контаминация этого события с другим, имевшим огромное значение для всего Переднего Востока, – с гибелью Ассирийской державы, рухнувшей под объединенным натиском мидийцев и вавилонян. На примере этой истории мы можем видеть процесс рождения мифа, вобравшего в себя воспоминания о реальных событиях и существовавших в действительности персонажах. при этом прихотливо перемешавшего их в угоду эффектности повествования и логике столь любимого греками нравоучительного рассказа: лишиться власти должен был тот, кто проводил время в беспечных досугах.

Вейсбах указывает еще на одно деяние Сарданапала, отражающее реальное событие. Некоторые версии эпитафии, в частности историков Александра – Каллисфена и Аристобула, содержат имевшееся, возможно, уже у Гелланика упоминание о том, что царь за один день построил Тарс и Анхиал⁸⁹. Речь здесь идет, по всей видимости, о сражении отца Ашшурбанапала – Синаххериба в Киликии, наместник которой поднял восстание против Ассирии. Одержав победу, Синаххериб заново отстроил Тарс и Анхиал, о чем и сообщил в царской надписи⁹⁰. Как считал Вейсбах, Каллисфен и Аристобул сами видели эту стелу во время похода Александра, однако, если учесть его же собственный вывод о принадлежности эпитафии Гелланику, то скорее следует полагать, что певцы подвигов Александра пришли в Азию, уже хорошо зная, что именно они должны там увидеть, и любая стела, написанная "сирийскими" письменами, могла сойти за памятник Сарданапалу.

Откуда Ктесию стали известны рассказы об ассирийских событиях? Теоретически писатель мог слышать историю о смерти Шамашшумукина в Вавилоне. Однако, даже если об этом происшествии более чем двухвековой давности и еще помнили во времена Ктесия, то трудно себе представить, что сам писатель изменил в этом случае привычным методам работы и стал искать материалы для труда не в греческих книгах, а в рассказах местных хранителей традиций. К тому же рассказ Ктесия отнюдь не производит впечатление провавилонского: ведь вавилонский жрец и полководец Белесий играет здесь роль не только второстепенную, но, если вспомнить о его попытке втайне от Арбака присвоить себе сокровища Сарданапала (Diod. II.28.2–4), и просто двусмысленную. Кроме того, если вновь обратиться ко всем историям и именам, которые Ктесий якобы услышал в Вавилоне, то встает вопрос: почему ему постоянно рассказывали там об ассирийских царях? Греки, как мы знаем, не различали ассирийцев и вавилонян (см. прим. 4), однако в действительности каждый город Вавилонии имел свои собственные литературные и исторические традиции. Если же предположить, что Ктесий просто разговаривал с людьми на улицах, то тем более непонятно, почему они вспоминали именно ассирийских царей, хотя нововавилонская история тоже знала немало ярких персонажей. Возможно, некоторые рассказы, в частности легенды о Сарданапале, отражали враждебную Ассирии вавилонскую традицию⁹¹. Однако не странно ли, что у вавилонян, более века уже живших под властью Ахеменидов, отношения с которыми у них складывались, как известно, достаточно сложно, главным врагом остается давно лежавшая в руинах Ниневия? Все в этих легендах указывает на другой регион и другую эпоху их создания, когда блеск и сокрушительное падение Ниневии были еще хорошо памятливы. История о строительстве Сарданапалом Тарса и Анхиала, а может быть и лидийские связи Нина у Геродота указывают, как подобные рассказы могли попасть к грекам: от народов Малой Азии, подвергавшихся с конца II тыс. до н.э. грабительским набегам ассирийцев, через ионийских греков, которые, как известно, и стали творцами ранней письменной традиции. Приведенное выше упоминание поэта VI в. до н.э. Фокилада о "необузданной" Ниневии как о городе, хорошо известном читателю, не оставляет

⁸⁹ FGtH. 1929. T. 2. № 124. Fr. 34 (Kallis.); № 139. Fr. 9 (Aristob.).

⁹⁰ Weissbach. Op. cit. S. 2466–2467.

⁹¹ См., например, Brentjes B. Land zwischen den Strömen. Lpz, 1963. S. 144.

сомнения в том, что уже тогда в греческой литературе утвердилась характеристика Ниневи, хорошо знакомая нам по произведениям более позднего времени. Это достаточно враждебная к Ассирии направленность легенды вполне созвучна хорошо известной традиции другого народа, которому примерно в это же время тоже суждено было подвергнуться набегам ассирийцев, – Ветхому завету. Только греческие представления об этом городе были несколько смягчены расстоянием и временем и обычно носили этико-философский характер.

В свете сказанного по-новому выглядит и рассказ Ктесия о персе Парсонде и вавилонянине Нанаре. Возможно, его создание объясняется стремлением Ктесия воспроизвести известный из ранней традиции сюжет на более близком автору материале – ведь противостояние мидийцев и ассирийцев было уже совершенно неактуальным.

Геродот и Ктесий, очевидно, держатся в рамках знакомой традиции, которую первый дополняет своими наблюдениями (в частности, о деятельности Нитокрис-Навуходоносора), второй – некоторыми реалиями своей эпохи, а главным образом блеском своей неукротимой фантазии.

Ктесий, воспользовавшись готовыми легендами предшествующей традиции, соединил их в сказочно-поэтическую схему ассиро-вавилонской истории, которая благодаря занимательности и подкупающей стройности изложения с тех пор прочно утвердилась в греческой историографии. С легкой руки этого автора в греческую традицию вошли образы трех ассирийских владык, наделенные совершенно определенными личностными характеристиками, и писавшие после Ктесия авторы воспринимали очерченные им характеры этих персонажей как некую данность. Теперь образы трех ассирийских царей становятся фактом античной литературы и по сути дела уже не имеют отношения к ассирийской истории.

* * *

Рассказ Ктесия о деяниях ассирийских царей становится в античности своего рода официальной версией ассирийской истории, без более или менее подробного изложения которой (как правило, восходящего к произведению книдского автора через целую цепь посредников) не обходится уже ни один труд эллинистического или византийского времени по всемирной истории. Однако Семирамида или Сарданапал (безликий Нин отступает в тень) живут в греческой традиции и в отрыве от событий истории Ассирии как фольклорные и литературные персонажи с совершенно определенными характерами. Отношение к Сарданапалу в античной традиции обычно негативное, это типичный "отрицательный пример", на котором склонные к морализаторству античные авторы учили своих читателей, какое поведение недостойно грека⁹². Сложный образ Семирамиды вызывал различное отношение к себе: одни авторы были склонны восхищаться этой женщиной, превзошедшей мужчин⁹³, другие осуждали ее дерзкий и свободный нрав.

У Сарданапала и Семирамиды есть двойники в греческой мифологии: царица Омфала, убивающая своих любовников, и Мидас, который прятался на пурпуре (Athen. XII. 516b). Собственно и самим ассирийским царям осталось совсем немного, чтобы тоже превратиться в чисто мифические персонажи, подобно только что названным. Миф как будто остановился на полпути, и перед нами тот редкий случай, когда мы можем наблюдать его зарождение и развитие.

Легенды о Семирамиде и Сарданапале имеют и еще одну точку соприкосновения с чисто сказочной традицией – с рассказами о дальних странах, в которых "все наоборот", в том числе и образ жизни мужчин и женщин. Отголоски подобных

⁹² О сопоставлении различных исторических лиц с Сарданапалом см.: Соловьева С.С. Память об Ассирии в трудах античных и раннесредневековых авторов // Древний восток и античный мир. М., 1980. С. 59–60.

⁹³ См., например: Curt. IX. 6.23; Just. I. 2.8; Plut. Mulier. virt. 243c; Plut. De Alex. Fort. 336 c.

рассказов пронизывают всю греческую литературу. Вспомним Геродота, утверждающего что обычаи египтян противоположны нравам других народов. Женщины у них ходят на рынок, а мужчины сидят дома и ткут (II.35). Эту мысль вслед за Геродотом повторяет Софокл (*Oed. Col.* 337 eq.). Диодор сообщает, что у амазонок мужчинам предписано заниматься прядением шерсти и работами по дому, а женщинам – вести войну (*Diod. II.* 45.2). По словам Николая Дамасского, савроматы во всем повинуются женщинам (*fr.* 103). Даже такой серьезный автор, как Арриан, заявляет, что на Востоке женщины со времен Семирамиды управляют мужчинами (*Anab.* I.23.7)⁹⁴.

Прявший в своих покоях Сарданапал был не одинок в античной литературе. Присутствие подобных сказочных мотивов в образах Семирамиды и Сарданапала говорит, на наш взгляд, наряду с другими признаками о раннем возникновении этих персонажей. Деяния Нина, Семирамиды и Сарданапала – это поэтическое резюме истории Ближнего Востока с точки зрения греков, отражающее их представления о характере и образе жизни восточных народов.

THE LEGEND ABOUT THREE ASSYRIAN RULERS

(The Early Greek Tradition about Ninus, Semiramis and Sardanapalus)

M.M. Gandamaeva

The article is devoted to the analysis of the sources of the legend about Ninus, Semiramis and Sardanapalus narrated by Ctesias. The author arrives at the conclusion that the sources in question were not Median or Persian tales, but the Greek tradition before Ctesias, in particular in the case of Semiramis – Hellenicus, Herodotus and, possibly, Xanthus of Lydia.

The legends about Sardanapalus which reflected real event of Assyrian history might also have reached Ctesias through the earlier Greek tradition. Arbitrarily combining stories of other authors (not necessarily referring to Assyria or Babylonia) and Greek mythological subjects, Ctesias in fact devised his own version of Assyrian history which has been generally accepted in Greek Roman, and Byzantine historiography. On the other hand Semiramis and Sardanapalus have gone down in the Greek and Roman tradition as literary or event folklore characters reflecting the Greek notions about the peoples of faraway countries whose customs were the exact opposite of those of the Greeks.

⁹⁴ Ср.: *Curt. X.* 1.37.